

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
Элиф Шафак

Сорок правил любви

Честь

Ученик архитектора

Три дочери Евы

10 минут 38 секунд
в этом странном мире

Стамбульский бастард

Элиф
Шафак

Честь

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ш 30

Elif Shafak
HONOUR

Copyright © Elif Shafak, 2012

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Большелаповой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы, Татьяны Павловой

Шафак Э.

Ш 30 Честь : роман / Элиф Шафак ; пер. с англ.
Е. Большелаповой. — СПб. : Азбука, Азбука-Ат-
тикус, 2021. — 480 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-19901-9

Турецкая писательница Элиф Шафак получила между-
народное признание трогательными романами о любви и не-
понимании, в которых сплелись воедино мотивы Востока
и Запада.

Две сестры-близнеца родились в селе на границе Тур-
ции и Сирии, где девушек ценят за чистоту и послушание,
где неподобающее поведение женщины может послужить по-
водом для убийства во имя чести. Ведь честь зачастую — это
единственное, что осталось у мужчины-бедняка.

Одна из сестер — Джамия — становится местной по-
витухой, а вторая — Пимби — выходит замуж и уезжает с
мужем в Лондон. Но жизнь в Англии не складывается. Эдим,
муж Пимби, уходит от нее. От одиночества и неустойчивости
Пимби бросается в объятия другого мужчины. И ставший
после ухода отца старшим в семье, сын героини Искендер
понимает, что должен вступить за честь семьи. Но пони-
мает он и то, что может причинить боль человеку, которого
любит всем сердцем...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Е. Е. Большелапова, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19901-9

Когда мне было семь лет, мы жили в маленьком зеленом домике. Один из наших соседей, отличный портной, часто бил жену. По вечерам до нас доносились крики, визг и проклятия. Утром мы приступали к своим обычным делам. Все делали вид, что накануне ничего не слышали, ничего не видели.

Эта книга посвящена тем, кто слышит и видит.

Сколько себя помнил, он представлял самого себя принцем, полновластным правителем дома, а свою мать — собственной телохранительницей и защитницей, неизменно исполненной забот и тревог.

Дж. М. Кутзее.

Детство: Сцены из провинциальной жизни

Эсма

Лондон, 12 сентября 1992 года

Моя мать умерла дважды. Я обещала себе сделать все, чтобы история ее жизни не была забыта. Но до сих пор у меня не хватало времени, не хватало смелости, не хватало силы воли, чтобы написать об этом. К тому же еще совсем недавно я вовсе не была уверена, что когда-нибудь стану настоящим писателем. Теперь все иначе. С возрастом начинаешь сознавать, что твои возможности далеко не безграничны, и спокойнее относиться к собственным неудачам. Но мне было необходимо рассказать историю своей матери, пусть даже одному-единственному человеку. Я должна была поведать обо всем миру, отправить историю маминой жизни в свободное плавание, дабы она могла парить в каком-нибудь бесконечно далеком от нас уголке вселенной. Я должна была выпустить ее на свободу. Выполнить долг перед мамой. И закончить надо было именно в этом году. Прежде чем он выйдет из тюрьмы.

Через несколько часов я сниму с плиты миску с халвой из кунжута, оставлю ее остывать возле раковины и поцелую мужа, делая вид, что не замечаю тревогу в его глазах. Потом посажу в машину своих дочерей-двойняшек — они появились на свет семь лет назад с разницей в четыре минуты — и отвезу их на день рождения к подружке. По дороге они начнут бурно выяснять отношения, но на этот раз я не стану

вмешиваться. Наверняка обе будут гадать, будет ли на дне рождения клоун, а еще лучше — фокусник.

— Как Гарри Гудини, — скажу я.

— Какой-какой Гарри?

— Мама же сказала, Гатини! Ты что, глухая?

— А кто это, мама?

Я почувствую боль. Острую, как укус пчелы. Но не поверхностную, а где-то глубоко-глубоко внутри. Я в очередной раз осознаю, что мои дети ничего не знают об истории своей семьи. Не знают, потому что я слишком мало им рассказывала. Пока они к этому не готовы. И я тоже. Но настанет день, когда все изменится.

Доставив девочек, я немного поболтаю с другими матерями. Напомню маме именинницы, что у одной из моих дочерей аллергия на орехи. Но постороннему человеку трудно понять, кто из них кто, поэтому проще следить, чтобы обе не ели ничего, где могут оказаться орехи, включая именинный торт. Конечно, немного несправедливая мера по отношению к той, у которой аллергии нет. Но когда растешь близнецов, этого никак нельзя избежать. Маленьких несправедливостей, я имею в виду.

После я вернусь к своей машине, красной «остин-монтего», которой мы с мужем пользуемся по очереди. Дорога от Лондона до Шрусбери занимает три с половиной часа. Скорее всего, где-то около Бирмингема мне придется заехать на заправку. Я включу в машине радио — ведь музыка помогает отогнать призраков.

Я бесконечное множество раз мечтала, как убью его. Строила хитроумные планы, в которых расправлялась с ним с помощью револьвера или яда. Но больше всего мне нравилось представлять, как я убиваю его ударом ножа с выкидным лезвием, одним стре-

ЧЕСТЬ

мительным взмахом восстанавливая справедливость. Не менее часто я мечтала, как прощу его, искренне и бесповоротно. Впрочем, ни одному из этих мечтаний не суждено было сбыться.

* * *

Добравшись наконец до Шрусбери, я оставляю машину напротив вокзала, пять минут пройду пешком и окажусь напротив мрачного здания тюрьмы. В ожидании его выхода я, наверное, буду ходить взад и вперед по улице или стоять, прислонившись к стене. Не знаю, как долго придется ждать. Не представляю, какова будет его реакция, когда он увидит меня. Я не навещала его больше года. Раньше я делала это регулярно, но, когда до освобождения оставалось уже немного, перестала к нему приезжать.

Настанет момент, когда тяжелая дверь распахнется и он выйдет на улицу. Первым делом посмотрит на затянутое тучами небо. За четырнадцать лет, проведенных в камере, он отвык видеть небесный простор над своей головой. Возможно, он даже заморгает, подобно всем детям тьмы, не привыкшим к дневному свету. Я тем временем буду молча стоять в стороне и считать до десяти, или до ста, или даже до трех тысяч. Мы не станем обниматься. Не станем пожимать друг другу руки. Мы ограничимся едва заметными кивками и едва слышными, сдавленными приветствиями. Когда мы дойдем до вокзала, он ловко прыгнет в машину. Про себя я с удивлением отмечу, что он в прекрасной физической форме. В конце концов, он по-прежнему молодой мужчина.

Если он захочет закурить, я не стану возражать, хотя ненавижу сигаретный дым и запрещаю мужу курить в машине и дома. Мы двинемся в путь по сельской местности, мимо сочных лугов и бескрайних

полей. Думаю, он будет расспрашивать меня о детях. Я расскажу, какие замечательные у меня дочки и как они быстро растут. Он улыбнется, хотя понятия не имеет о том, что значит быть родителем. Я, в свою очередь, не стану задавать ему никаких вопросов.

Вместо этого я поставлю кассету с золотыми хитами группы «ABBA». Эти песни мама всегда напевала, когда готовила, убирала или шила. «Take a Chance on Me», «Mamma Mia», «Dancing Queen», «The Name of the Game». Уверена, в этот момент мама будет наблюдать за нами. Матери после смерти не возносятся на небеса. Бог дает им особое разрешение еще какое-то время оставаться рядом с детьми и присматривать за ними — и не важно, каковы были их взаимоотношения в течение столь короткой земной жизни.

Когда мы вернемся в Лондон, я, сердито бормоча себе под нос, буду долго искать место для парковки на Барнсбери-сквер. Вполне вероятно, начнется дождь, мелкий, морозящий. В конце концов мы отыщем свободное место, и я втиснусь в него путем долгих и сложных маневров. Я пребываю в плену самообмана, считая себя хорошим водителем, но, когда дело доходит до парковки, иллюзия моментально развеивается. Возможно, он даже станет насмехаться над моей чисто женской манерой вождения. Раньше он не упускал случая съязвить по этому поводу.

Мы пойдем к дому по тихой, ярко освещенной улице, невольно сравнивая окружающий пейзаж с тем, что остался в памяти о нашем старом доме в Хакни, на Лавендер-гроув. Поразительно, как быстро мчится время и как все меняется, в то время как мы остаемся прежними.

Дома мы снимем обувь и наденем домашние тапочки: он — шлепанцы моего мужа, черные, без всяких украшений, а я — свои пурпурные тапки с помпонами. Увидев их, он изменится в лице. Я поспешу

успокоить его, сказав, что это подарок дочерей. Убедившись, что это не те, что носила она, он расслабится. Сходство — результат простого совпадения.

Через приоткрытую дверь он будет наблюдать, как я готовлю чай. Если в тюрьме его привычки не изменились, чай он будет пить без молока, но с большим количеством сахара. Я принесу кунжутную халву. Мы будем сидеть у окна, как благовоспитанные и малознакомые между собой люди, держа в руках фарфоровые чашки с блюдцами и наблюдая, как дождь поливает фиалки в садике за моим домом. Он похвалит халву, скажет, что очень по ней скучал, но вежливо откажется от добавки. В ответ я скажу, что в точности следую маминому рецепту, но халва никогда не получается такой же вкусной, как у нее. Это заставит его прикусить язык. Взгляды наши встретятся, и в воздухе повиснет напряженное молчание. Потом он попросит извинения и скажет, что очень устал и, если я не возражаю, хотел бы отдохнуть. Я провожу его в приготовленную комнату и тихо прикрою дверь.

Я оставлю его там. В нашем доме. В комнате, расположенной не слишком далеко и не слишком близко от моей собственной. Оставлю закрытым в четырех стенах, между ненавистью и любовью, которые бьются в моем сердце, как в ловушке.

Как бы то ни было, он мой брат.

Как бы то ни было, он убийца.

Имена, сладкие, как сахар

Деревня неподалеку от реки Евфрат, 1945 год

Когда Пимби появилась на свет, Нази пришла в такое отчаяние, что позабыла о страданиях, которые вынесла за последние двадцать шесть часов, и, не обращая внимания на струящуюся по бедрам кровь,

попыталась встать и уйти. Так, во всяком случае, говорили все, кто был возле роженицы в этот ветреный день.

Но осуществить свое желание Нази не удалось. К удивлению всех женщин, присутствовавших в комнате, и мужа Нази Берзо, который ждал во дворе, новая волна схваток опрокинула ее на кровать. Через три минуты показалась головка еще одного ребенка. Темные слипшиеся волосики, красная кожа, морщинистая и влажная: снова девочка, поменьше, чем первая.

На этот раз Нази даже не пыталась бежать. Она тихонько вздохнула, зарылась в подушку и повернулась к открытому окну, словно пытаясь разобрать в шуме ветра тихий шепот судьбы. Она не сомневалась: если слушать внимательно, небеса непременно дадут ей ответ. В конце концов, должна быть причина, неизвестная ей, но очевидная для Аллаха. Причина, по которой Он посылает им еще двух девочек, когда у них уже есть шесть дочерей и нет ни одного сына.

Нази плотно сжала губы, решив не произносить ни слова до тех пор, пока Аллах не даст ей самых исчерпывающих и убедительных объяснений. Даже во сне губы ее оставались плотно сомкнутыми. В течение следующих сорока дней и сорока ночей Нази хранила молчание. Она молчала, когда готовила бараний горох с жиром, натопленным из овечьих хвостов, молчала, когда купала шестерых старших дочерей в огромной круглой жестяной бадье, молчала, когда варила сыр с черемшой и травами, и не отвечала, даже когда муж спрашивал, как назвать новорожденных. Она была безмолвна, как могилы на кладбище у подножия холма, где лежали все ее предки и где предстояло лежать ей самой.

Все это происходило в бедной, далекой от цивилизации курдской деревушке, в которой не было ни

электричества, ни дорог, ни врачей, ни школы. За плотную завесу изоляции не проникали никакие новости извне. Жители деревушки не слыхивали ни о последствиях Второй мировой войны, ни об атомной бомбе. Тем не менее они были убеждены, что в мире, раскинувшемся вдали от берегов Евфрата, творятся странные вещи. Желания познать этот неведомый мир у них не возникало, а дальние странствия представлялось им совершенно бессмысленным занятием. Все, что есть, было и будет в этом мире, человек видит вокруг себя, здесь и сейчас. Людям положено жить на одном месте, подобно деревьям и камням. Исключения составляют три категории: странствующие мистики, утратившие прошлое, глупцы, лишённые разума, и поэты, потерявшие своих возлюбленных.

Все прочие жители деревни, за исключением дerviшей, чудаков и несчастных влюбленных, никогда ничему не удивлялись и все происходящее воспринимали как должное. Каждое событие, случившееся в деревушке, моментально становилось всеобщим достоянием. Секреты и тайны — роскошь, которую могут позволить себе только богачи, а в этой деревне, называвшейся Мала Кар Байан, что в переводе с курдского означает «Дом четырех ветров», богачей не было.

Старейшины деревни, трое иссохших, угрюмых на вид старцев, проводили почти все свое время в единственной деревенской чайной, где пили чай из чашек, тонких, как яичная скорлупа, и хрупких, как человеческая жизнь, и предавались размышлениям о величии Божественной мудрости и неразумии политиков. Узнав о принятом Нази обете молчания, они решили нанести ей визит.

— Мы пришли предостеречь тебя, ибо ты близка к тому, чтобы совершить святотатство, — произнес первый старец, такой древний, что казалось, легчайший ветерок мог сбить его с ног.

— Как смеешь ты ожидать, что всемогущий Аллах откроет тебе Свои помыслы? — спросил второй старец, во рту которого осталось всего несколько зубов. — Или ты не знаешь, что Он беседует только с великими пророками, среди которых никогда не было женщин?

— Аллах хочет, чтобы ты заговорила, — воздев к небу кривые и узловатые, как древесные корни, руки, изрек третий старец. — Будь это иначе, Он бы превратил тебя в рыбу.

Нази слушала их, время от времени прикладывая к глазам края своего платка. В какой-то момент она представила себя плавающей в реке рыбой — крупной коричневой форелью со сверкающими в лучах солнца плавниками и переливающимися всеми цветами радуги чешуйками. Она ничуть не тревожится об участи своих детей и внуков, которым из поколения в поколение предстоит существовать в бескрайнем подводном мире рядом с великим множеством других рыб.

— Говори! — приказал первый старец. — Твое молчание противоречит законам природы. А то, что противоречит законам природы, противоречит воле Аллаха.

Но Нази продолжала молчать.

Когда почтенные гости покинули дом, она подошла к колыбели, в которой спали близнецы. Отсветы горящего очага окрасили комнату в золотистые тона, и казалось, кожа младенцев испускает мягкое свечение, которое делало их похожими на ангелов. Сердце Нази растаяло. Она повернулась к своим шестерым дочерям, которые выстроились перед ней в ряд — от самой старшей к самой маленькой. Когда Нази заговорила, голос ее звучал глухо и хрипло:

— Я знаю, как их назвать.

ЧЕСТЬ

— Скажи нам, мама! — дружно воскликнули девочки, радуясь тому, что мать наконец прервала молчание.

Нази прочистила горло.

— Вот эту я назову Бекст, а вторую — Биз, — сказала она, и тон ее свидетельствовал о том, что она смирилась со своим поражением.

— Бекст и Биз, — хором повторили девочки.

— Да, дети мои.

Сказав это, Нази причмокнула губами, словно имена оставили у нее на языке особый привкус, соленый и острый. Курдские слова «Бекст» и «Биз», звучащие по-турецки как «Кадер» и «Етер», на всех прочих языках мира означают «Судьба» и «Достаточно». Назвав так своих дочерей, Нази хотела сообщить Аллаху, что, хотя она, как и подобает правоверной мусульманке, покорна своей судьбе, дочерей ей вполне достаточно. Нази знала, что следующая беременность будет последней, ибо ей исполнился сорок один год и лучшая пора ее жизни осталась далеко позади, а потому Аллах должен послать ей сына — только сына.

Вечером, когда отец вернулся домой, девочки окружили его, наперебой сообщая радостную новость:

— Папа! Папа! Мама заговорила!

Лицо Берзо, просиявшее при этом известии, омрачилось, когда он узнал, какие имена его жена выбрала для новорожденных. Он покачал головой и несколько томительно долгих минут хранил молчание.

— Судьба и Достаточно, — наконец пробормотал он себе под нос. — Но ведь это не имена для детей. Это просьба, обращенная к небу.

Нази, потупившись, смотрела вниз, на собственный палец, выглядывавший из дырки в шерстяном носке.

— Эти имена говорят о том, что мы чувствуем себя обиженными, а это может оскорбить Создателя, —

продолжал Берзо. — Зачем нам навлекать на себя Его гнев? Лучше дать детям обычные имена и не подвергать их опасности.

Сказав так, он предложил имена, которые казались ему наиболее подходящими: Пимби и Джамия, что в переводе с курдского означает «Розовая» и «Красивая». Имена, подобные кусочкам сахара, которые тают в чашке чая, сладкие, приятные, лишённые претензий.

Хотя Нази не стала спорить с решением мужа, забыть ее собственный выбор оказалось не так просто. Имена, которые она дала своим дочерям, прочно закрепились у всех в памяти, подобно бумажным змеям зацепившимся за ветви фамильного дерева. В результате близнецы обрели двойные имена: Пимби Кадер и Джамия Етер — Розовая Судьба и Достаточно Красивая. И никто не мог предугадать, что настанет день, когда одно из этих имен окажется на первых страницах газет всего мира.

Разные цвета

Деревня вблизи реки Евфрат, 1953 год

С самого раннего детства Пимби обожала собак. Ей нравилось, что они умеют заглядывать людям в души, даже когда спят с закрытыми глазами. Взрослые в большинстве своем были уверены, что собаки мало что понимают, но Пимби знала, что это неправда. Собаки понимают все. Просто они умеют прощать.

К одной овчарке Пимби была особенно привязана. Этот пес с висячими ушами, длинной мордой и косматой черной шкурой с белыми и коричневыми пятнами обладал покладистым нравом, любил гоняться за бабочками, с готовностью приносил брошенную

палку и ел все без разбора. Звали его Китмир, но иногда называли Куто или Додо. В общем, имя его без конца менялось.

Однажды пес ни с того ни с сего начал вести себя странно, словно в него вселился злой дух. Когда Пимби попыталась погладить его по загривку, он с рычанием набросился на нее и укусил за руку. Ранка была неглубокой, но перемена в характере собаки не могла не тревожить. В последнее время несколько собак в округе заболели бешенством, и деревенские старейшины настояли на том, чтобы Пимби отправилась к доктору. Однако на шестьдесят миль вокруг не было ни одного врача.

Именно поэтому Пимби и ее отец Берзо сели сначала в маленький автобус, потом в большой автобус, который повез их в город Урфа. При мысли, что ей придется провести целый день в разлуке со своей сестрой-двойняшкой Джамилей, Пимби бросало в дрожь. Но все же она была очень рада, что весь день отец будет принадлежать лишь ей одной. Берзо был мужчиной крепкого сложения, с широкой костью, крупными чертами лица и большими крестьянскими руками, привыкшими к любой работе. Его густые усы уже начали седеть, так же как и волосы на висках. Взгляд его ореховых глаз лучился добротой. За исключением редких случаев, когда им овладевали вспышки гнева, он пребывал в спокойном расположении духа, несмотря на не покидавшую его печаль о сыне, которого ему не суждено было иметь, о сыне, благодаря которому род его не пресекся бы до конца этого мира. Берзо мало говорил, редко улыбался, но находил общий язык со своими детьми легче, чем жена. Все восемь его дочерей сражались за его любовь и внимание — подобно цыплятам, толкущимся у кормушки.

Путешествие в город было волнующим и увлекательным, чего никак нельзя было сказать про ожидание в больнице. В коридоре перед кабинетом врача сидели двадцать три человека; Пимби могла сказать это точно, ибо в отличие от других восьмилетних детей в их деревне они с Джамилей ходили в школу и умели считать. Путь до этого обшарпанного одноэтажного здания, расположенного в соседней деревне, занимал сорок минут. Посреди классной комнаты стояла жаровня, которая давала мало тепла, зато очень много дыма. Дети помладше сидели с одной стороны, постарше — с другой. Поскольку окна открывали редко, воздух в классе был спертым и тяжелым, как опилки.

До того как Пимби пошла в школу, она была уверена, что все люди в мире говорят по-курдски, но теперь знала, что это не так. Некоторые люди вообще не знали курдского. Например, школьный учитель. У него были короткие редеющие волосы и грустный взгляд, словно он тосковал по жизни, которую оставил в Стамбуле, и никак не мог смириться с тем, что оказался в этой дыре. Он раздражался всякий раз, когда дети его не понимали или же отпускали по-курдски какую-нибудь шутку на его счет. Недавно он ввел новое правило, согласно которому всякого позволившего себе хоть слово по-курдски ожидало наказание: он должен был стоять у доски на одной ноге и спиной к одноклассникам. Правда, мало кому приходилось стоять так более нескольких минут: провинившийся обычно получал прощение, при условии что впредь не совершит подобного промаха. Но иногда учитель забывал о наказанном, и тот был вынужден стоять у доски часами. Эта штрафная мера вызвала у близнецов разную реакцию. Джамиля теперь в школе вообще не открывала рта, отказываясь гово-

ритель на каком-либо языке, а Пимби старательно учила турецкий, надеясь таким способом завоевать сердце учителя.

Между тем Нази не видела никакого смысла в том, что дочери ходят в такую даль и тратят время, заучивая слова и цифры, от которых им в будущем не будет ни малейшего проку, поскольку в самом недалеком будущем обе выйдут замуж. Но ее муж настаивал на том, что девочки должны получить образование.

— Из-за того что они каждый день ходят в эту школу, обувь на них просто горит, — жаловалась Нази. — И зачем им эта морока?

— Зато они могут прочесть все, что написано в конституции, — возразил Берзо.

— А что это такое — конституция? — с подозрением поинтересовалась однажды Нази.

— Закон, серая ты женщина! Конституция — это огромная книга. В ней перечислено все, что разрешено делать, и все, что запрещено. А тот, кто этого не знает, может вляпаться в серьезные неприятности.

Нази прицелкнула языком. Слова мужа не слишком ее убедили.

— Вряд ли эта самая конституция поможет моим дочерям выйти замуж, — заметила она.

— Зря ты так думаешь. Тому, кто знает закон, живется легче. Например, если мужья будут плохо с ними обращаться, они не станут это терпеть. Просто заберут детей и уйдут.

— И куда, хотела бы я знать?

Об этом Берзо не задумывался.

— Найдут приют в доме своего отца, — наконец ответил он.

— А, так вот для чего они каждый день таскаются невесть куда и забивают головы всякой ерундой! Для того чтобы вернуться в дом, где родились!

— Иди-ка лучше принеси мне чаю, — отрезал Берзо. — Ты слишком много говоришь.

— Это ж надо такое придумать, — бормотала Нази, отправляясь в кухню. — Ни одна из моих дочерей не уйдет от своего мужа. А если она это сделает, я вытрясу из нее душу. Даже если к этому времени уже буду лежать в могиле. Дух мой вернется в этот мир и задаст мерзавке хорошую трепку.

Пустая угроза, произнесенная в сердцах, обернулась пророчеством. После того как Нази покинула этот мир, она еще долго приходила к своим дочерям — к одним чаще, к другим реже. Она была упрямой женщиной, никогда ничего не забывала и никогда ничего не прощала — в отличие от собак.

Сейчас, сидя в больничном коридоре, Пимби подетски откровенно разглядывала ожидавших своей очереди мужчин и женщин. Кто-то курил, кто-то жевал принесенные из дома лепешки, некоторые потирали больные места и стонали от боли. Воздух навсквозь пропах потом, дезинфекцией и микстурой от кашля.

Чем больше Пимби наблюдала за больными, тем сильнее она восхищалась доктором, с которым предстояло встретиться. Человек, способный излечить от всех этих тяжких недугов, наверняка не похож на других людей, решила она. Может быть, он пророк. Или маг. Не имеющий возраста волшебник, пальцы которого способны творить чудеса. Пимби изнемогла от любопытства и, когда их очередь наконец подошла, вслед за отцом с готовностью юркнула в дверь кабинета.

Внутри все оказалось белым. Но не таким белым, как мыльная пена на поверхности воды, когда они стирали одежду. Не таким белым, как снег, который покрывает землю зимними ночами. Не таким белым,

как сыворотка, которую смешивают с черемшой, чтобы приготовить сыр. То был суровый, неестественный белый цвет, которого Пимби никогда раньше не видела. Такой холодный, что она задрожала. Стулья, стены, плитка на полу, смотровой стол и даже склянки и скальпели — все сверкало мертвенной белизной. Пимби прежде и в голову не приходило, что белый цвет может быть таким гнетущим, таким тягостным, таким пугающим.

Еще сильнее ее удивило, что доктор оказался женщиной, но женщиной, совершенно не похожей на ее мать, на ее теток и соседок. Точно так же, как кабинет поражал отсутствием цвета, доктор поражала отсутствием каких-либо привычных Пимби женских черт. Под белым халатом докторши она заметила серую юбку до колен, а на ногах тонкие мягкие шерстяные чулки и кожаные туфли. Квадратные очки делали женщину похожей на сердитую сову. Пимби никогда не видела сов, тем более сердитых, но была уверена, что они должны выглядеть именно так. Докторша разительно отличалась от женщин, которые работают в полях от рассвета до заката, покрываются морщинами, потому что им часто приходится щуриться на солнце, и рожают детей до тех пор, пока не произведут на свет достаточное число сыновей. Женщина, сидевшая перед Пимби, привыкла, чтобы все люди, включая мужчин, ловили каждое ее слово. Даже Берзо в ее присутствии поспешил снять шапку и смущенно опустил голову.

Доктор едва удостоила отца и дочь недовольным взглядом. Казалось, их присутствие в кабинете утомляет и раздражает ее. Ясно было, что в конце трудного дня ей вовсе не хочется возиться с такими жалкими людьми, как эти двое. Она не снизошла до разговора с ними, предоставив сестре задавать необходимые

вопросы: «Какой породы собака? Не текла ли пена у нее из пасти? Не пугалась ли она при виде воды? Укусила ли она еще кого-нибудь? Осмотрели ли ее после случившегося?» Сестра говорила очень быстро, словно слышала тиканье часов, напоминавших, что время на исходе. Про себя Пимби порадовалась, что мать не поехала с ними. Нази не смогла бы поддерживать разговор в таком темпе и наверняка еще больше встревожилась бы и поняла все неправильно.

Доктор выписала рецепт, а сестра сделала девочке укол в живот, отчего та заревела во все горло. Выйдя в коридор, Пимби все еще плакала, а любопытство, с которым на нее смотрели незнакомые люди, расстроило ее еще сильнее. Отец, который, выйдя из кабинета, поднял голову, распрямил плечи и снова стал прежним Берзо, постарался утешить дочку и шепнул ей на ухо, что она молодец и, если будет вести себя как хорошая девочка, он поведет ее в кино.

Слезы моментально высохли, и глаза Пимби радостно заблестели. Слово «кино» напоминало конфету в обертке: не знаешь, что скрывается внутри, но не сомневаешься, что это нечто восхитительное.

* * *

В городе было два зрительных зала. Один использовался в основном для выступлений заезжих политиков и редко предоставлял свою сцену для местных актеров и музыкантов. Перед выборами и после них здесь собиралась толпа мужчин, и ораторы произносили зажигательные речи, наполненные обещаниями и обличениями, которые носились в воздухе подобно сердитым пчелам.

Второй зал был значительно скромнее размерами, но пользовался не меньшей популярностью. Его владелец предпочитал кино политическим дебатам и выкладывал контрабандистам немалые деньги за новые

фильмы, которые ему доставляли вместе с чаем, табаком и прочими товарами. Благодаря этому жители Урфы имели возможность посмотреть картины самых разных жанров — чуть ли не все вестерны Джона Уэйна, «Человека из Аламо», «Юлия Цезаря», а также «Золотую лихорадку» и прочие комедии, главным героем которых был маленький человечек с черными усиками.

В тот день показывали какой-то черно-белый турецкий фильм, который Пимби от первого до последнего кадра смотрела с открытым ртом. Главная героиня, очень красивая, но бедная девушка, влюбилась в богатого юношу, избалованного и эгоистичного. Но он изменился под действием волшебной силы любви. Все вокруг, начиная с родителей юноши, пытались помешать влюбленным и разлучить их, но они продолжали тайно встречаться под ивой на берегу реки. Во время свиданий они держались за руки и пели песни, исполненные печали.

Пимби понравилось в кино абсолютно все — нарядное фойе, тяжелый занавес, глухая, предвещающая чудо темнота в зале перед началом сеанса. Ей не терпелось рассказать Джамиле об этом новом чуде. В автобусе по пути домой она снова и снова пела песню из фильма:

Твое имя начертано в книге моей судьбы,
Твоя любовь течет в моих венах.
Если ты улыбнешься другому,
Я убью себя или умру от печали.

Распевая, Пимби покачивала бедрами и взмахивала руками. Все пассажиры хлопали в ладоши и издавали одобрительные возгласы. Когда она наконец замолчала — скорее от усталости, чем от неожиданного стеснения, — Берзо расхохотался и смеялся так долго, что на глазах выступили слезы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЭСМА	
<i>Лондон, 12 сентября 1992 года</i>	7
ИМЕНА, СЛАДКИЕ, КАК САХАР	
<i>Деревня неподалеку от реки Евфрат, 1945 год</i>	11
РАЗНЫЕ ЦВЕТА	
<i>Деревня вблизи реки Евфрат, 1953 год</i>	16
АСКАНДЕР... АСКАНДЕР	
<i>Деревня вблизи реки Евфрат, 1962–1967 годы</i>	27
СУЛТАН НА ДЕРЕВЕ	
<i>Стамбул, 1969 год</i>	40
ФОНТАН ЖЕЛАНИЙ	
<i>Место вблизи реки Евфрат, 1977 год</i>	48
ВОСПОМИНАНИЯ	
<i>Лондон, декабрь 1977 года</i>	58
ПИКНИК С БАРБЕКЮ	
<i>Стамбул, 1954 год</i>	77
КЛОЧОК ПРАВДЫ	
<i>Лондон, декабрь 1977 года</i>	84
СТРАШНАЯ КЛЯТВА	
<i>Лондон, октябрь 1977 года</i>	88
ЭСМА	
<i>Лондон, декабрь 1977 года</i>	106
КОРОБКА ПАХЛАВЫ	
<i>Деревня поблизости от реки Евфрат, 1961 год</i>	116
ЛЮБОВЬ ПОДОБНА КОМЕТЕ	
<i>Место вблизи реки Евфрат, декабрь 1977 года</i>	128
НЕТ МУДРОСТИ БЕЗ ГЛУПОСТИ	
<i>Деревня вблизи реки Евфрат, 1961 год</i>	136

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАСИЗМ И РИСОВЫЙ ПУДИНГ <i>Лондон, декабрь 1977 года</i>	155
КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ <i>Лондон, декабрь 1977 года</i>	171
ПУШИСТЫЙ СВИТЕР <i>Лондон, 18 декабря 1977 года</i>	180
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЧУДЕСА <i>Лондон, 24 декабря 1977 года</i>	185
УСЫ <i>Лондон, 1 января 1978 года</i>	206
СЮРПРИЗ <i>Лондон, 2 января 1978 года</i>	211
БЕСЧЕСТЬЕ <i>Лондон, 5 января 1978 года</i>	217
НЕДОСТАЮЩИЙ ФРАГМЕНТ <i>Лондон, январь 1978 года</i>	223
РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ <i>Лондон, март 1978 года</i>	239
«ЯНТАРНЫЙ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ» <i>Место поблизости от реки Евфрат, апрель 1978 года</i>	246
ЭСМА <i>Лондон, апрель 1978 года</i>	258
СТЕКЛЯННОЕ СЕРДЦЕ <i>Место поблизости от реки Евфрат, апрель 1978 года</i>	266
МАЛЬЧИК ИЗ ВОСКА <i>Лондон, май 1978 года</i>	273
ГАРУН-КОНТРАБАНДИСТ <i>Место вблизи реки Евфрат, май 1978 года</i>	275
ЭСМА <i>Лондон, май 1978 года</i>	297
ПОЩЕЧИНА <i>Лондон, июнь 1978 года</i>	301
БОЛЬШАЯ КОРИЧНЕВАЯ ФОРЕЛЬ <i>Лондон, июль 1978 года</i>	311
ГЛАВА СЕМЬИ <i>Лондон, сентябрь 1978 года</i>	318

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДОЛГ	
<i>Лондон, 30 сентября 1978 года</i>	323
ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРУГОГО МИРА	
<i>Лондон, октябрь 1978 года</i>	326
РЕШЕНИЕ	
<i>Лондон, октябрь 1978 года</i>	335
МАТЬ	
<i>Лондон, октябрь 1978 года</i>	339
ПРУТ И ВЕНИК	
<i>Лондон, октябрь 1978 года</i>	355
ВЕРЕВКА	
<i>Лондон, октябрь 1978 года</i>	368
ПЕСЧАНИК	
<i>Абу-Даби, ноябрь 1978 года</i>	380
ЭСМА	
<i>Лондон, ноябрь 1978 года</i>	391
ЧЕРНИЛА НА ШЕЛКЕ	
<i>Лондон, ноябрь 1978 года</i>	396
СТОЛКНОВЕНИЕ	
<i>Лондон, 14 ноября 1978 года</i>	401
ПОКРОВ ТИШИНЫ	
<i>Лондон, 1 декабря 1978 года</i>	407
ЧАСЫ	
<i>Абу-Даби, март 1982 года</i>	416
ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ	
<i>Лондон, 30 ноября 1978 года</i>	431
ЛИМОННОЕ ДЕРЕВО	
<i>Лондон, 30 ноября 1978 года</i>	435
ЭСМА	
<i>Лондон, 1 декабря 1978 года</i>	442
УБОРКА	
<i>Лондон, 5 декабря 1978 года</i>	445
ЭСМА	
<i>Лондон, 12 сентября 1992 года</i>	450
СОН ВНУТРИ СНА	
<i>Место поблизости от реки Евфрат, май 1991 года</i>	467
ЭСМА	473

Литературно-художественное издание

ЭЛИФ ШАФАК

ЧЕСТЬ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Елена Терскова, Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.07.2021. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,4. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AVA-28672-01-R